

КОЛОНИ

Серия: проза 18+

Марат Шакиров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марат Шакиров

Кокон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70247047

SelfPub; 2024

Аннотация

«Кокон» – первый роман малоизвестного болгарского писателя Марата Шакирова. Этот текст – темное роуд-муви про неудачника, заснувшего пьяным на обочине в обнимку с наивной мечтой. Дешевое, но дико съедобное шоу про конфликт друзей-предпринимателей, пустившихся на поиски обезумевшего ученого – единственного, кто способен вытащить технологии виртуальной реальности за рамки медийных трендов и буквально изменить с их помощью границы воспринимаемой нами реальности. Этот текст – неловкая притча. Попытка нащупать свободу воли в чужой иллюзии. Движение света обратно в пустоту. И лучи его польются на лица слабых, и согреют голодных, и рассеются в далеких зеленых полях, и никогда не вспомнят, как молоды и наивны были, как любили и голосили по утрам в ожидании чуда нового дня. Аминь.

Содержание

Первая глава	4
Вторая глава	20
Третья глава	31
Четвертая глава	45
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марат Шакиров

Кокон

Первая глава

Пора готовиться.

Остановился на вытоптанном газоне у входа в нужный продуктовый маг. Раньше такие называли «минимаркетами» – сейчас даже текстовый редактор не знает этого слова. Заглушил двигатель, но оставил кондиционер и музыку. Играет поток поп-панка, парни поют про подростковые мечты и красивых девчонок в купальниках, поют про бунт, даже не догадываясь, что гонорары за эти самые песни этот самый бунт окончательно уничтожат. А может, как раз догадываясь.

Вышел на улицу. Еще рано, нет и семи. Довольно светло, довольно тепло. Деревня понемногу оживает, где-то вдалеке за заборами лениво лают собаки, но людей на песчаных тропинках пока не видно. Сбегал в кусты, то есть в чей-то забор, справил нужду. Достал из походной сумки литровую бутылку воды, зубную пасту, щетку. Почистил зубы, глядя в зеркало заднего вида, сплюнул на землю. Умыл лицо, шею, руки. Осмотрелся – никого. Снял футболку, ополоснул грудь и подмышки остатками воды.

Взялся за машину. Это вышло импульсивно и прямо сей-

час совсем не нужно. Но все же так проще прожить ближайший час – занимая себя мелкими делами, занимая руки и глаза, внимание и мысли. Так вот. Я протер сиденье, торпеду и приборную панель влажными салфетками, вытряхнул коврики. Перебрал барахло в багажнике. Открыл все двери и включил кондиционер на максимальный обдув на шестнадцать градусах – чтобы выплунуть все запахи моего маленького путешествия, весь пепел, вонь табачного дыма, сосисок в тесте, кислого кофе с заправок, чипсов со вкусом паприки и жареных семечек.

Закончил. Выдохнул. Закурил.

В восемь мне нужно войти в этот самый магазин через боковую дверь. Дверь для посетителей откроется в девять. У меня будет час, чтобы встретиться с Лалой Петровной, местной знахаркой, прикидывающейся продавщицей колбасы, хлеба и разливного пива. У Лалы Петровны будет час, чтобы снять многовековую порчу, которая гасила мой горящий от рождения ум и смяла в грязный ком мою пластилиновую душу.

Потушил окурок и воткнул в щели переполненной урны. На двери несколько рекламных растяжек. Стандартные пепси, сухари, чипсы. Стандартная покосившаяся «Ирина» над входом. Сел в машину, закрыл окна, вернул кондиционер на двадцать градусов, покликнул песни, поменял поп-панк на русский рок, поменял русский рок на кельтский фолк, поменял фолк на скучный джаз. Как ни странно, чем быстрее

темп звучащей из колонок музыки, тем медленнее течет время. И наоборот. Поэтому джаз – лучший способ скоротать самые нудные минуты в жизни.

Итак, я приехал к местной знахарке, в самую дальнюю из многочисленных деревушек Адыгеи. Приехал потому, что давно, очень давно очень плохо себя чувствую. И что это вообще значит – себя? Тело вроде не болит. Голова соображает. Сопли иногда текут, да. Но я хожу на работу, плачу налоги, не буяню, но иногда буяню, когда выпью; иногда влюбляюсь, иногда мечтаю, но часто разочаровываюсь, но ведь это значит, что я живу. А еще это значит, что я все время на что-то надеюсь.

Мои тридцатиплюслетние друзья говорят, что пора жениться. Некоторые говорят, что жениться не надо никогда, потому что надо трахаться, ибо в этом природа пацана. Кто-то уверен, что все дело в карьерной стагнации, или нехватке отдыха, или сна, или здорового образа жизни. А может, пандемия подсадила нас на удобный диван и киноподписки, сломав естественный дофаминовый цикл. Или зумеры убили шансы нашего поколения на счастье тем, что слишком быстро научились жить самостоятельно. А может, всё проще – может, я просто дурак, который не хочет рутинно трудиться, ценить вот этот каждый божий день или заводить семью просто потому, что так работает эволюция нашего вида.

Так. Надо собраться. Кажется, я просто нервничаю перед ритуалом. Можно еще покурить. Времени остается немного.

Пожалуй, посижу с закрытыми глазами, подышу. Все-таки через час лог ошибок моей психики лишится сотен тысяч строк, и потребуется исследовать новую сборку себя. Новую. Сборку. Себя. Фак. Восторг.

*

Внутри дешевая отделка, подсохший хлеб на полках, много пепси, сухарей, чипсов. Мало пива и сигарет, почти нет овощей и фруктов. В жужжащем стеклянном холодильнике греются желтоватые куски говяжьей вырезки и скукоженные цыплята. Лала Петровна сидит за прилавком, я сижу напротив. Она улыбается. Улыбается искренне, смотрит мне прямо в глаза, поправляет свою прическу-кокон, постоянно трогает малахитовую брошь на блузке и легонько трясет головой – ведь это всегда вызывает доверие у тех, кто младше, да.

Мы разговариваем. Ведем светские беседы о погоде, о том, как я добрался из Москвы до Адыгеи, о качестве южных дорог, южных людей и южного сервиса. Я рассказываю, что двадцать часов за рулем немного утомили меня. Знахарка охает и сообщает, что это я зря, ведь она может сделать все то же через сотовый.

– Милый, ты бы фотографию мне на вацап прислал, я бы с ней и поработала! – уверяет Лала Петровна.

– Да я как-то не думал о таком, – отвечаю. – Ну... может, так оно лучше выйдет – с глазу на глаз. – Начинаю говорить

сложнее обычного – и в итоге глупо.

– Может. Если так веришь, – улыбается Лала Петровна.

Сука, самое ужасное, что могут сделать психологи, экстрасенсы или народные целители, – сказать, что все в твоей голове, что любой результат возникает как плод твоей веры. Эдак ведь всё самовнушение поддыхает. Медики, тестируя новые лекарства на контрольных группах, никогда не сообщают правду пациентам, принимающим плацебо. Как мое подсознание будет делать свою работу, если я постоянно буду мешать ему своими сомнениями? А ведь я буду. Я буду думать о каждом своем гребаном шаге, оценивать его. Это магия сработала? Это я сам дал огня? Это мой внутренний бог проснулся или нейронные связи перестроились и теперь работают по-новому? А самое страшное здесь то, что я искреннее и много буду думать о том, как теперь устроены мои нейронные связи, до какой степени это все управляемо и какое влияние рефлексия оказывает на результат работы моей психики. Говоря по правде, я совсем не хотел в этом разбираться. Я хотел получить возможность снова ходить на работу без усилий, тусоваться по пятницам, летать на самолетах трезвым и втыкать в комедии с Адамом Сэндлером.

– Ну, с чем пришел? Или только привычки бросать? – с ходу попадает эта теплая, сухощавая женщина, похожая на бабушку твоего друга.

– А почему вы думаете, что еще что-то есть?

– А ты сутки на другой конец страны из-за одних сига-

рет ехал? – улыбнулась знахарка и поправила темно-красный платок на голове. – Чтобы сигареты с горькой оставить, надо просто потерпеть. А не можешь потерпеть – значит, что-то мешает.

Я ненадолго закрыл глаза, чтобы дать им отдохнуть, а заодно собраться с мыслями. Она не так уж проста, несмотря на весь этот маскарад.

– Давай-давай, говори-ка, у меня времени нет, – торопит.

– Ладно. Как бы так конкретнее... В общем. Знакомая девчонка недавно сказала, что я с порчей хожу. Я ей признался, что пару последних лет как будто не в своем теле, чувствую себя разобранным на детали. Как будто меня или... или вот эту какую-то думающую, сознающую часть меня вынули из моего тела, а потом обратно засунули. А они друг друга не индетинфи... не склеились, в общем. И вот она говорит...

– Стой-стой, – прервала меня знахарка. – Хватит. Все это знаю, вижу. Я разберусь сейчас, а потом еще поговорим, еще расскажешь. Слушай внимательно, сейчас я буду кодировать тебя, судьбу твою от порченных заклятий. Сиди тихо и делай то, что я говорю.

Она повернула меня к входной двери и попросила завязать платок поверх глаз. Обычный белый платок, через который комната просвечивает. Начала что-то шептать. Кажется, зажглась свечка. Потом запахло обыкновенной восковой свечой. Лала Петровна сказала, что я должен молчать, ни

в коем случае не снимать повязку, и глаз не открывать, потому что сорок духов мне их спалят, если заметят. Но, главное, я должен полностью раствориться в сизой темноте и исчезнуть из блеклого пространства торговых прилавков и шума холодильников. Я закрыл глаза под повязкой.

Тут входная дверь скрипнула, и кто-то вошел. Кто-то хриплый и очень медленный. Попросил пива и пачку донного табаку. Похрипел немного в благодарность, подышал рядом со мной, помучил мою знахарку поиском мелочи, пересчитыванием. Через несколько минут дверь скрипнула еще раз, и снова стало тихо.

Голова чуть закипела, но тишина успокаивала и напряжение спадало. Я попытался сосредоточиться на пульсации тепла в ладонях. Ладони и правда горят. Наливаются тяжелой кровью, стонут. Мне нельзя двигать руками, и поэтому кажется, что они стали чугунными, они тянутся к земле, и тянут за собой плечи, а дальше голову, и все тело как будто прибывает к полу. Но я держусь. Я думаю о том, что у меня появилась цель. И эта цель находится вне простого комфорта, вне удобств, развлечений, красоты, она находится в поле возможностей и потенциалов. Она должна помочь мне обрести собственное дао без красных знамен, без радужных растяжек, чек-листов, успешных походов и других символов радиоактивного мира, описанного в политических шоу или трендовых подкастах. Моя цель – пиздатая версия меня.

Шею резко обожгло. Я дернулся, стал чесать место ожо-

га, но старая сильная рука остановила меня и приказала терпеть. Туда же упала другая пара капель воска. Все как в старом добром голливудском кино – просветление через боль. Потерплю.

*

Не так я представлял себе эту встречу. Ой, не так.

Моя фантазия рисовала мне картины банальные, но яркие – вокруг комната с разным ритуальным тряпьем, в центре комнаты обязательный стеклянный шар, пахнет жжеными оленьими рогами (это как, интересно?), и напротив сидит очаровательная она – цыганка из фильмов Кустурицы, с большими глазами и тяжелыми волосами, уже не молодая, но все еще голодная до жизни, до колдовских танцев с такими вот наивными гостями.

Моя фантазия рисовала и картины скверные – там я сижу на грязном полу в землянке, много лет не мытая и давно ослепшая затворница кудахчет на плохом русском свои заклятья, мне страшно, мне хочется сбежать, но ее воля держит меня на месте, а свежий отвар из мухоморов прибивает отекающие чугунные ноги к земле.

В реальности я как будто попал на безумное свидание вслепую. Она могла оказаться моделью, могла – уродиной. А оказалась вахтершей.

– А теперь, милый, подними ладони к лицу, плюнь на них

и разотри, – прервала мои мысли знахарка.

– В смысле... Зачем?

– Затем. Плюй давай.

Я потянулся к повязке на глазах, но знахарка шлепнула меня по ладоням.

Черт, ненавижу делать странные вещи. Ну, потянулся, ну, плюнул, растер. Сижу, жду.

Знахарка начала еле слышно читать молитву. Сначала я почти не разбирал слов, потом сосредоточился и стал вылавливать отдельные фразы, отдельные куски. Кажется, она обращалась к небу: «...славься большое, и сильное, нависающее, пророческое, славься камень земной, здрав буде, купол небесный...» Чем дольше я вслушивался в ее бормотание, тем отчетливее представлял, как эта сухая женщина истончается, отдает свою энергию и силу куда-то наверх – сначала тонкой светлой струйкой, потом ярким пылающим потоком огня. Мои пальцы похолодели, голова закружилась, я почувствовал нити пота, как они тянутся с затылка под лопатки. Я понял, что старуха связала меня своими колдовскими сетями и проткнула иголкой самое мое естество – проткнула, и из него медленно вытекает накопленный яд.

*

Я заметил, что дрожу.

– Дыши-дыши, милоч. Поплакай, если хочется. Поплакай,

подыши еще. Все сойдется тогда, все сбудется. Потрогай лицо, – сказала она, и я это сделал. – Чувствуешь – липко стало? Потри лицо, – сказала она, и я это сделал. – Посмотри, сколько выходит из тебя. Все выходит, все это лишнее, все ненужное наружу идет. Пусть так, отпусти его. Поплакай, – сказала она, и я почувствовал, что по моим щекам текут слезы.

Я начал глубже дышать. Дышать в ответ ее бормотанию. Глубокий вдох, еще глубже, несколько коротких. Снова глубокий вдох, снова глубже, и еще несколько коротких. Господи, как же это хорошо! Как славно. Просто так дышать, и просто так потеть, и просто так плакать. И каждый миг посвящать себе, концентрироваться только на себе, не думать о лишней ответственности, о комфорте окружающих, телефонных звонках, расписании встреч, неотвеченных сообщениях, прогнозе погоды, балансе на карте, подборе удобной обуви, одежды, друзей, партнерш, коллег, мест, баров, ресторанов, автомобилей, фильмов, стримов, смыслов, масок и теней. Просто концентрироваться на том, как ты дышишь, как бьется твое сердце, как потеют твои пальцы, как информация течет по узким ложбинам твоего внимания... Да, именно так! И так может быть всегда, так может быть всегда, когда ты захочешь управлять входящим потоком вместо того, чтобы он направлял твою волю.

– Снимай повязку. Готово, – сказала знахарка. Я открыл глаза.

– Уфффф, – я шумно выдохнул.

– Дальше все просто. Помнишь, говорил, что тебя будто с тела вынули и потом назад положили? И ты как будто чужой тут получился?

– Кхм... вообще хорошее сравнение. Если вспомнить тот же фильм. Ну про чужого, вы смотрели? То есть как будто меня как паразита подсадили в это тело, – я судорожно засмеялся своей находке. – Хотя тогда должны были паразита в меня...

– Погоди-погоди, не беги. Я хочу услышать. Ты чувствовал, что себе не принадлежал, так это было?

– Получается, так.

– А я тебя сшила всего, соединила.

– Как это?

– А ты слушай теперь себя, слушай, и всё поймешь, всё заметишь теперь, – на этой фразе она встала и начала рыться в своей сумке, давая мне понять, что сеанс окончен.

– Погодите, – я немного напрягся. – Ну, может, расскажете хоть немного, что это было? Что дальше будет?

– Дальше всё будет хорошо, – широко улыбнулась бабка. – На тебе порчи были, вредил ты кому-то. Себе тоже вредил, и это сняла. Не будешь теперь курить эти палочки воюющие, сивухой травиться, не будешь страдать. Радоваться сможешь, жить наконец начнешь.

Я замер на секунду, не зная, что сказать. Я хотел до нее доебаться с миллионом вопросов: правда ли всё, что она го-

ворит, как эти заклятья работают, придется ли мне добирать результат силой воли и не станет ли мне снова худо, кому нахрен потребовалось меня проклинать и почему вообще в нашем техном мире вся эта мистическая патока еще течет? Я хотел от нее матчасти, но понимал, что никакой матчасти тут быть не может.

– Спасибо вам, – все, что смог выговорить. – Давайте расплачусь. Столько, верно? – протянул ей пятитысячную купюру.

– Пусть будет столько, – она деланно отвернулась. – Но вообще это стоит семь.

Я выдохнул, великодушно протянул ей еще одну пятерку и встал с табурета. Старуха остановила меня жестом, улыбнулась и сказала, что обязана выдать сдачу. Порылась в своей сумочке, достала тысячу, улыбнулась еще раз и сказала, что больше нет. Я сделал вид, что признателен и вообще не стоило, но, так и быть, возьму. Отряхнулся, расправил плечи, пошел к выходу.

– погоди, милоч, – остановила меня знахарка. – Посиди пять минут, я первая уйду. Тут скоро хозяйка придет, она же продавщица. У нас уговор – не пересекаться. Посиди, подыши, подумай. Только имей в виду. Ты договор заключил. Покуришь свои сигареты или выпьешь – считай, разорвал. Тогда духи за тобой придут, и вернутся все порчи, что я прогнала, и страдания за ними придут, и считай, что не лечился вовсе. Если поймешь, что не вмоготу, – ты мне позвони, я ко-

дировку сниму. А иначе, – она скрестила указательные пальцы и посмотрела на меня так строго, что я вспомнил себя буйным школьником на допросе директора и вжался в стул.

*

Все пять минут я сидел и думал о том, как плотно и вкусно буду дальше жить свою жизнь. Представлял, что куплю маленький круглый столик на балкон, ножом размечу там участки для красивой упаковки длинных спичек, круглой глубокой пепельницы из цельного куска лакированного дерева, небольшой и обязательно целиком металлической гильотины, а в самом центре будет стоять компактный хьюмидор, и там внутри будут кубинские сигары, и только кубинские, никакой доминиканы, только кубинские и обязательно с черепами на тубусах и упаковках, чтобы все время помнить о смерти. И выкрашу размеченные участки стола акрилом в разные цвета, и добавлю туда тонкой вязи, и получится такой мавританский курительный столик, и каждую пятницу я буду неспешным знатоком жизни, с сигарой в зубах и китайским успокаивающим чаем в кружке, и, может, это уподобление дедушке Черчиллю вознесет меня до самых высоких разреженных слоев атмосферы, где плотность долбоебов почти нулевая, а плотность мысли такая, что ее можно жрать.

Я думал об этом, и думал о том, могу ли я курить сигары, закодировавшись от сигарет; могу ли я в принципе меч-

тать о любых формах курения, и вообще об удовольствиях, раз уж бабка загадала мне успехов и побед; ведь именно этого я хотел, и за этим приехал, и, может, мне стоит сосредоточиться наконец на важном; но все же у меня есть двадцать часов обратного пути, и надо бы где-то поспать, и, видимо, отложить все думы на свежую голову, а вот эта тяжелая немытая может позволить себе простую ностальгию по табачку, по виски, по всем тем низким удовольствиям, что сломали меня однажды и заставили приехать в самую дальнюю деревню Адыгеи, чтобы вновь вспомнить, что я такое без приятного и близкого сердцу дурмана.

Я встал со стула и пошел к выходу. Включил телефон. Надо посмотреть какие-нибудь гостиницы в этих местах. Поспать часов восемь перед обратной поездкой. Как раз в ночь домчу без пробок. Может, заеду куда-нибудь типа Ростова, поем раков.

Я вышел на улицу и замер. Вместо колес моей черной, чуть царапаной старой бэхи стоят кирпичи. Те самые, что в девяностые подпирали все дворовые брошенные тачки. Двери машины открыты. Я подбежал к машине, заглянул внутрь. Нет ни сумки, ни пакета с разной дорожной едой, ни – вот это смешно – сигарет. Ключом открыл бардачок – документы на месте. Хотя бы. Сунул паспорт и свидетельство о регистрации в карманы шорт.

Пошел обратно к магазину. Входная дверь все еще закрыта. Боковая заперта. Стучусь. Ничего. Никого. Кричу. Ниче-

го. Сука. Старая сука. Она точно знала, что все так и будет. Она точно в сговоре с теми, кто раздел мое авто. И как же хочется курить. И это единственный магазин на весь поселок. Уже десятый час, а продавщица еще не пришла. Бросил так бросил, ха.

Я сел на бетонную площадку у входа в магаз. Достал телефон, отключил авиарежим. Много пропущенных. Все с одного номера. Перезваниваю.

– Серег, прикинь че случилось! – начал я.

– Стой-стой, – перебил Серега. – Давай при встрече, а сейчас срочно в Москву – Плевин нашелся.

– В смысле – нашелся?

– В прямом. Он тут в деревушке живет, местные видели, надо ехать, узнавать.

– Надо, да, – я начал прокручивать в голове варианты.

– Ну так давай бегом!

– Ну только если бегом, да.

– Я и говорю: давай бегом.

– Вот, видимо, бегом и придется.

– Мужик. Да что с тобой такое?

– У меня тачки нету.

– В смысле? Ты ж на машине поехал.

– Колеса спиздили. Хе.

– Ну так звони ментам местным и ищи «бла-бла-кар».

– Понятно уж...

– Давай, дружище, этому говну ржавому всяко недолго

оставалось. Решим всё – новое тебе купим. Звони, как выдвинешь, – положил трубку.

Плевин нашелся. Как же хочется курить. Но надо двигаться. Вдруг он снова пропадет. Как же хочется ныть и никуда не делать. Но надо начинать жить заново.

Вторая глава

«В кадре автобусная остановка. Обычная автобусная остановка с пустой деревянной скамейкой. Над ней кривоватый навес-козырек и стеклянный задник, облепленный старыми рекламными объявлениями с нечитаемым текстом. Вокруг абсолютная тишина. Через несколько секунд начинает играть тихая музыка – микс фанка и гитарного рока. Что-то вроде «перцев», только без слов. Музыка становится немного громче, в кадре появляется одинокий молодой человек, по виду типичный студент, с простой провинциальной внешностью и легкой уродинкой, например в виде крупной бородавки над правой бровью. Садится на скамейку. Ему явно скучно, он смотрит прямо перед собой, слегка покачивая головой в такт музыке, звучащей в его наушниках. Темнеет, зажигаются фонари.

К остановке подъезжает самокат. Обычный сиреневый шеринговый самокат. Только без пользователя. Тормозит перед молодым человеком и призывно моргает передним фонарем. Парень игнорирует эти заигрывания и продолжает смотреть прямо перед собой. Самокат сигнализирует несколько раз и дергается на полколеса вперед, как бы призывая парня подвинуться, затем резко стартует, уезжая за пределы кадра.

Парень продолжает смотреть прямо перед собой. Самокат снова возвращается в кадр. Сигнализирует сильнее. Сигнализирует

и моргает фонарем. Парень достает телефон и что-то набирает. Музыка начинает играть громче. Появляется вокал. Приятный голос поет: «...назови меня собой, я проткну все злые очи...» Парень закрывает глаза и начинает активнее двигать головой, потом плечами, потом всем телом в такт музыке. Самокат уезжает за пределы кадра. Затемнение».

– Так. И чего это? Реклама самокатов? – спрашивает уставший мужчина с неухоженной бородой и легкой проседью в заправленных набок волосах.

– Нет, – отвечает студент с чуть косящими глазами, длинными платиновыми волосами и серебряным крестиком в ухе.

– Беспроводные наушники? Смартфон?

– Нет и нет.

– Сдаюсь.

– Новый альбом группы «Очи».

– «Очи»? Альбом? С каких пор музыканты рекламируются?

– Контент щас приносит денег как немецкие тачки в прошлом веке. Уж вы-то должны знать, – улыбается студент. – А реклама – это конверсия и профит. И пофиг чо там: музыка, кино, блог про баню... ну ладно, блог про баню ни рубля не принесет...

– Давай дальше, – кивает мужчина и уверенным движением поправляет спадающую на лоб прядь сухих волос.

«Обычная городская заправка. С небольшим магазином,

парой бензоколонок. Конец рабочего дня. Съёмка из автомобиля, за рулем – мужчина средних лет. Он ждет своей очереди, копается в мультимедиа – допустим, переключает радиостанции. Подходит его очередь. Он подъезжает к бензоколонке, глушит двигатель. Роемся в подлокотнике, находим бонусную карту. В это время зритель видит, что за стеклом автомобиля к колонке подходит какой-то мужик и снимает шланг. Наш герой открывает дверь авто и тоже видит наглеца. Окрикивает его, выходит, хлопает дверью, закрывает автомобиль и делает шаг навстречу. Наглец дико улыбается и начинает обливаться бензином. К нему подбегают работники заправки, он их отталкивает, брызжет в них горючим, продолжает обливаться, хохочет. Бросает шланг на землю, закрывает глаза, достает зажигалку, выбивает искру и поджигает себя. Пламя облизывает землю, бежит к машине героя – тот судорожно пытается открыть дверь. Куртка вспыхивает, он бессильно бьет кулаком по крыше авто, кричит. Загорается бензоколонка. Взрыв. Затемнение».

Студент молча смотрит на собеседника. Уставший мужчина хмурится.

– Реклама бензина? Типа вон как горит?

– Ха, прикольно. Можно, да. Но вообще я думал закросить. Дать рекламу бензиновых «зиппо» – ну типа «почувствуй вкус настоящего пламени». И фоном продвинуть какие-нить онлайн-заправки.

– Не выходи из машины, вокруг одни психи?

– Ага, да, – студент кивает.

– Так, ладно... это бред, конечно, полный... но ход мысли любопытный, – мужчина усмехается в бороду. – Пойдешь на стажировку в группу нарративной рекламы. Выйдешь со следующей недели, условия сегодня на почту. Вопросы?

Студент достал телефон, покрутил его, зажав большим и средним пальцами, пробежался глазами по кабинету. Заговорил.

– А как реклама вписывается в продукт? Типа нативно встроить в сюжет товары и бренды?

– Вроде того. По крайней мере будем это тестировать.

– Просто текущий контент лишен осмысленного сюжета, не? Я думал, там суп из графы, голограмм, фракталов и прочего аудиовизуала.

Мужчина поворачивает свой «аймак» к студенту и отъезжает на кресле вбок, чтобы видеть экран. Включает один из роликов с рабочего стола.

– Ваня, да?

– Да.

– Сергей.

– Я помню. Вы говорили в начале встречи.

– Так, Вань. Видишь вот это шоу? – в этот момент на экране раскатывается калейдоскоп ярких геометрических фигур, линий. – Это диагностический контент. Так мы снимаем данные мозговой активности пользователя, его реакции на визуальные раздражители. Скоро добавим озвучку. Короче, че-

ловек смотрит на разные и, на первый взгляд, случайные последовательности рисунков, форм, слышит звуки – тихие, громкие; потом слушает музыку разного ритма и настроения...

– И визуал все время такой безумный?

– Нет, конечно. На диагностике визуал меняется от монохрома к радужному, от медленных раскрывающихся цветков к плотным пакшотам... ну таким гвоздям из образов – библейских, военных, мирных, с людьми, животными или ядерным грибом. Все это время датчики снимают информацию о том, как подсознание пользователя реагирует на увиденное, услышанное. Так создается эмоциональный профиль человека. Мы называем его эмо-картой.

– Ага, ага, – студент закивал. – Понял. Так легче настроить реки...

– Реки?

– Ну эту... выдачу.

– Да, так легче настроить рекомендованный рекреационный контент в нашем приложении. Речь, по сути, о полном программировании настроения. Ну, представь себя менеджером в каком-нибудь «нацтрансбанке», – Сергей неожиданно включился и встал со стула. – У тебя стресс, злость, твой день – говно, и клиент тяжелый через полчаса. Ты идешь в отдельную комнату, надеваешь шлем виртуальной реальности, говоришь в микрофон «хочу успокоиться». Все, дальше система работает! Датчики снимают пульс, врубают-

ся графический поток, играет музыка; может, еще с креслом сделаем партнерку – закажем у каких-нибудь японцев, чтобы легкий массаж добавить. Через десять минут дыхание в норме, и можно дальше идти работать, или чего ты там делал.

– Круто-круто. Так. И где тут реклама?

– Вот эти калейдоскопы у нас уже работают – три банка, два телекома закупились. Мы хотим пойти дальше, хотим пробовать реалистичный контент. Показывать людям крутые игровые сюжеты, где они в главной роли и что-то с ними происходит – и в это вот «что-то» закинем интеграции с брендами.

– Надеваешь шлем, садишься на мотоцикл, мчишь в закат, а тебя обгоняет соска на «Тесле»?

– Я думал, у вас так давно не говорят.

– Я же на собеседовании.

– Точно, – улыбнулся Сергей и вернулся в кресло.

– А потестить можно?

– Все можно. Когда договор подпишешь. Мы всю команду из молодых собрали. Чтобы не задушить идею херней, которую говно...агентства годами делают. Ну все, давай, до понедельника.

Сергей кивнул студенту на дверь, протягивая руку. Ваня пожал ее и вышел. Сергей протер руку о джинсы, подождал, пока студент закрывает дверь, и откинулся на спинку кресла. И где только Али таких находит? Хотя... пусть находит.

Офис компании «Лама На Кухне» занимает почти тысячу квадратов одного из корпусов старого московского завода, переделанного, как водится, в бизнес-лофт. На серого цвета кирпичных стенах висят цветные таблички с текстами типа «меняем ДНК на ЛНК», «мама любит ламу, а папа просто не пробовал» и другими «шедеврами гей-коммуникации» по мнению одного из собственников. В офисе много людей и мало предметов. Это и не офис даже в его классическом виде, а русское поле экспериментов, питательный бульон для гиков и фантазеров. Здесь мало столов, но много мягкого и удобного – диванов, биванов, пуфов, шезлонгов. На стенах колонки и большие видеопанели.

По открытому пространству ползают люди неопределенного пола и возраста, десятки их просто лежат на мягких коврах в шлемах виртуальной реальности – китайских, тайваньских, самодельных, с джойстиком и без, в тактильных перчатках и полноценных костюмах; они разговаривают, иногда кричат, иногда орут, реже плачут или смеются. То, что они видят в шлемах, транслируется на связанные видеопанели. Все они – тестировщики контента, та самая биомасса, нужная для сбора данных и подготовки типовых эмкарт. Они получают за это смешные деньги, потому что им, в первую очередь, весело и будет о чем рассказать своим френдам в соцсетях, соседям по общаге и знакомым барме-

нам.

Да, как выяснилось, жизненный статус человека почти не играет роли в настройке системы. Алкаш-заика физически проживает стресс примерно так же, как менеджер компании из топ-сто русского «форбс», просто в ином масштабе. Если для одного источник тревоги таится на дне стакана, для другого он будет зарыт в поддельных документах для аудиторов. И эффективно снимать стресс обоим поможет примерно сходный аудиовизуальный ряд.

Куда большее значение имеют, например, пол и психотип испытуемых. Мужчины лучше реагируют на интенсивную музыку и яркие цвета, женщины – на прохладные, пастельные. С психотипом сложнее. Существующие классификации невозможно быстро и массово перенести на реальных людей, а приглашенные консультанты-нейрофизиологи разнятся в подходах и терминах, предлагают модели темпераментов вместо психотипов, тесты Майерс-Бриггс, акцентуации Леонгарда и Ганнушкина, и требуют больше консультаций, и больше часов, и, как водится, больше выплат.

Впрочем, система работает и без подключенных алгоритмов для типирования личности. Это все так, это на всякий случай, вдруг выстрелит. А пока что достаточно снимать реакции на контент со студентов, алкоголиков, безработных, тусовщиков, блогеров, журналистов – лишь бы приходили, лежали, радовались, орали и честно рассказывали о своих впечатлениях. Не только аналитикам и продуктологам, но

и всем знакомым во всех своих уже немногочисленных соцсетях. Компании важно просто двигаться, получать контракты, рисовать новый и новый контент – даже без точной диагностики пользователь сможет просто перебрать имеющуюся библиотеку и найти что-то подходящее, отметить, оставить комментарии и совсем скоро получить новый доработанный опыт.

Собственников у компании двое. Один из них – Сергей – выходит из своего кабинета с привычно недовольным выражением лица. Осторожно обходит лежащие тела по пути к выходу из надоевшего офисного хаоса. Кивает секретарше – такой же уставшей: пора домой. В ожидании лифта надевает на уши большие красные «маршаллы», тычет коротким пальцем в смартфон и закрывает глаза.

Ничего-ничего. Это разгон. Самый-самый разгон, самый-самый плотный этап. А система уже работает, уже приносит деньги, инвесторы спокойны, очереди из клиентов пока нет, но океана голубее просто не придумать. Ха, разве что плодить промо- и вдохновляющие тексты для гей-табличек в офисы. Впрочем, одну такую табличку Сергей сделал собственноручно и повесил в своем кабинете над входной дверью: «Жизнь проходит, пока ты строишь Ламу».

Немного побродил по улице в поисках своего авто. Он знал, где находится его авто, но любил рассматривать другие машины, прикидывать статус и доходы владельцев. Любил представлять себя за рулем вот этого, например, черного му-

скулистого «доджа», напоминающего о любимом в детстве кино «Угнать за 60 секунд». Или серебристого немца-кабриолета. Едешь за рулем такого теплым летним днем, откидываешь крышу, волосы уже не набок, а красиво так назад...

Потом, когда все проблемы решатся, когда он сможет продать свою долю, он и обзаведется летним авто, и купит отдельную машину жене. А пока он открывает скучный «джолион», скидывает наушники на шею, заводит двигатель, включает радио, машинально проверяет, на месте ли детское кресло, и погружается в неспешный ритм дороги до дома.

Радиоведущий рассказывает о том, как отечественные цифровые компании чувствуют себя после ухода из России глобальных игроков. Всё к лучшему. С уходом этих «цукеров» и «бергов» появилось больше доступных китайских гаджетов. Их шлемы отлично решают все нужные «Ламе» задачки, появилось и разрешение в восемь тыщ пикселей, и полноценные комплекты с тактильным оборудованием, и нормальная локализованная техподдержка, гарантийный сервис, оптовые скидки... Корпорации снова готовы экспериментировать, вкладывать деньги в виар для развития персонала. И для понтов, конечно. Всё к лучшему.

Примерно так они и рассуждали, когда создавали компанию с Али – старым другом, коллегой. Они мечтали о том, чтобы изменить отношение людей к технологиям и отношение технологий к людям. Они мечтали, чтобы гаджеты перестали убивать свободное время людей тупыми сторис, гасить

нервные клетки заппингом в однотипные сериалы, модную еду и интервью с глупыми рэперами. Они представляли себе дивный новый мир, в котором твой домашний шлем – это больше, чем способ отмокнуть на диване, постреляв по зомби. Это мир фантазий, в котором можно выпить с Высоцким, побоксировать с Тайсоном или пофлиртовать с молодой Натальей Варлей. А может, лучше узнать себя, простроить и реализовать, закрывая гештальты, залечивая детские травмы через творчество в свободной и яркой вселенной.

Конечно, такой мир будет строиться долго. Но точно построится. Главное – верить и пахать. И не выключать своего маленького ребенка-фантазера – эту мысль все время повторял Али. Ха. Он-то не выключает, точно. Надо бы связаться с ним. И скорее вернуть его из этого странного трипа. Еще и Плевин куда-то пропал...

Третья глава

Сергея сам заказал мне «бла-бла» до Москвы. Что за тип, что за тип этот Сергей! Всегда носится со мной, как со вторым сыном. Смешно, учитывая, что я старше его на два года. Старше, опытнее. Два высших против одного. Вот бы эта образованность хоть что-то значила в наших русских степях, где кочевники с палками по-прежнему отжимают друг у друга скот, воду и красивых женщин.

Еще Сергей предложил записывать мысли о моем состоянии в блокнот или наговаривать в аудио. Вести дневник избавления от зависимостей, чтобы потом посмотреть на динамику, прочувствовать перемены. Хорошая мысль. Хоть и пованивает курпатовскими «красными таблетками», которые Сергей полюбил после рождения ребенка.

Пока водитель заправлялся, я ходил по магазину и наговаривал мысли во включенный диктофон. Разглядывал и комментировал сам себе красивые пачки сигарет – тонких, обычных, удлиненных, со вкусами яблок, винограда и манго. Продавщица куда-то ушла, оставив табачный бокс открытым, и я испытывал двойной соблазн, глядя на эти глянцевые шедевры маркетологов смерти. По правде говоря, я не хотел ни яблок, ни винограда, ни манго. Меня устроит самая обычная «оптима» с кислым вкусом и едким запахом жженой туалетной бумаги. Или красные «мальборо», почти

не пахнущие, но все еще весьма крепкие. Интересно, остались где-то олдскулы типа «лаки страйк» или ментоловых «салем»? «Бонд»? «Союз аполлон»? Если я решу закурить, если я готов буду сдохнуть от этого, мне точно потребуются марки сигарет, которыми заштампованы мои детские воспоминания.

Так-так-так... надо переключиться! Надо. Это же заправка, блин. Здесь должно быть еще что-то кроме кофе, булок, табака и просроченных наборов автомобилиста. Ха, детский отдел. Прикольно. Ну, как отдел... Стенка. Полка. Какие-то простые резиновые утки для детей до года. Алфавит с огромными буквами-вкладышами и иллюстрированной книжкой. Большой пазл. Реально большой – с тысячей элементов. Инструкция на обороте коробки уверяет, что буквально за час возни получится собрать море, а еще небо с облаками и голодными чайками. Вот это интрига для ребенка.

Мне вспомнилось, что первый и единственный раз в жизни я взял в руки пазл в седьмом классе. Это была детективная головоломка, которую сначала нужно было собрать из маленьких частичек, а потом найти преступника на получившейся карте событий. Тогда я впервые представил себе всех людей в виде кусочков пазла. А что, если каждый из нас – одна из миллиардов частиц, и всех нас одушевили и приказали самостоятельно собраться в одну могучую картину? Как мне найти подходящие, с которыми мы образуем нужную связку? Станет ли эта часть значительной, или я ока-

жусь тем куском голубого неба, который не страшно потерять и всегда можно дорисовать по памяти? И с каждым годом нас – частиц – все больше и больше, и расстояния между частицами все меньше, но мотивация собираться вместе, в исходный рисунок – все ниже. Я записал еще пару мыслей и сохранил файлы в «облаке». Интересно, знают ли эти облака, что такое небо? Какое оно – их собственное небо? Наэлектризованное, грозное? Блять. Ну-ка, брысь.

Вышел из магазина. Все еще тепло, несмотря на поздний вечер. Лето. Неплохо бы сейчас покурить. Ведь покурить летом, в поле у заправки, глядя на вечерние сумерки... это охуенно. Это точно было охуенно. И больше не будет.

Водитель ждет у машины с парой стаканов кофе. Двести километров до Воронежа. Едем.

– Слушай, так ты, значит, от синьки гонял кодироваться? – заговорил он, быстро прикончив свой кофе.

– И сигарет.

– Ну понятно. А меня тоже жена все время пилит, чтобы бросил.

– Меня жена не пилит...

– ...Третьего хочет. А сама все время: «Андрюха, придешь пьяным – не дам!»

Я сочувственно покачал головой, а Андрюха попросил допить мой кофе. Я заметил, что он в целом выглядит довольно бодро. Видимо, мы планируем ехать в Москву совсем без ночевки. Хорошо, что я поспал пару часов в дороге от Адыгеи.

Дольше не вышло потому, что Андрюха быстро устал молчать и захотел приятной бессмысленной болтовни, которая так хороша в ночной дороге и надежно защищает от опасных зевков.

– Глянь, колонна понеслась, – Андрюха высунулся из окна и засвистел проезжающим мимо «уралам» с затянутыми брезентом кузовами. Не понимаю, чего в этом свисте больше, – одобрения или насмешки?

– Ебать, сколько их там? – я не придумал лучшей реакции.

– Да много, чо... Ты ж в курсе, сколько им платят?

– Нет. Не знаю. Слышал, что нормально.

– Нормально. Еще подъемные, страховка, – Андрюха замолк на секунду, но тут же продолжил. – Но это как посмотреть. Я вот хер знает, сколько может стоить жизнь пацана. А жизнь после?

Я с удивлением посмотрел на него. До этого Андрюха разве что строительные рынки вдоль дороги комментировал. Впрочем, я не сильно интересовался персоной, сон был важнее. И вот стал его разглядывать. Выглядит обычно. Невысокий, коренастый. Рано лысеющий для своих тридцати пяти. С какими-то странными пигментными пятнами на лице. Такие бывают у тех, кто начал курить сразу после маминой титьки. В начале пути рассказывал, что работает в торговле. Кажется, постоянно в разъездах по южному округу, часто хватает попутчиков, чтобы поболтать. Жена, два ребенка. Радио в машине. Никаких увлечений. Я всегда избегаю

таких людей в обычной жизни и всегда с интересом зарываюсь в их внутренний мир при случайном знакомстве. Мы подрались бы, окажись в одной очереди за хлебом, но пока что нам совсем нечего делить, и это славно.

– В Воронеже бывал? – спросил Андрияха.

– По делам. Гóрода толком не видел, – ответил я.

– Ну и ниче не потерял, нехуй там делать.

– Мне тоже так показалось. Там красная пирамида какая-то масонская в центре, да и все.

– Не, ну не все. Еще могила Хоя.

– Точно, – а я ведь как-то позабыл, что старшие классы начались с «лирики» и «пора домой». – Был там?

– Слушай, да как-то не приходилось. Но туда народ прямо валит. Прямо бухают на могиле. Я читал, что его дочка все время денег собирает на ремонт после фанатских попок в честь бати.

– Блин, прикольно. Я ведь в детстве все хотел съездить. Думал – постарше буду и туда махну первым делом. А потом в Москву, стену Цоя рассмотрю как следует. А потом в питерский рок-клуб. Да и вообще...

Андрияха открыл окно, уставился куда-то в березовую даль и начал деланно насвистывать. Я узнал мелодию «ночи перед рождеством» и улыбнулся. Надо бы еще кофе добыть.

Кладбищенские ворота открыты, и перед ними полно парковочного места. Там пара разбитых «жигулей». Старый японский внедорожник с открытой багажной дверью. Оттуда доносится негромкая электронная музыка, кто-то одинокий и в капюшоне курит кальян. Занимающиеся угольки горят будто глаза полночного вурдалака. Вдалеке лают собаки. Темно и сыро, и ветрено. Ладно, хоть от Луны сегодня только половина.

Закрыли машину и пошли к высоким воротам с облупившейся краской. Чувствую, Андрюхе тоже как-то не по себе.

– Не обессудь, просто... пипец как интересно, – он заговорил первым. – А чего у тебя имя такое странное – Али? На араба не похож...

– Всё нормально, – ответил я. – Батя бокс сильно любил. А мать любила батю. И бегал в его юности по рингу такой тип – Мухаммед Али. Ну ты должен знать, – Андрюха кивнул. – Мощный был чемпион. И никто его по имени не называл – все говорили просто «Али». А у меня и мать наполовину татарка. В общем, совпало.

– Прикинь, если бы тебя назвали Мухаммедом, – заржал Андрюха. Я понял, что он это на всякий случай. Я тоже заржал. Пусть вурдалаки сразу знают, что нас двое и мы в отличном настроении.

Я достал телефон, открыл карту. Идти около двадцати минут – прямо в противоположный конец кладбища. Порылся в сохраненных треках и включил «укус вампира». Клас-

сическая такая штука, где лирический персонаж страдает от помутнения рассудка после соответствующего акта насилия. Мне всегда нравилась эта песня, мне нравился надрыв, который Юра вложил почти в каждую строчку.

Интересно, почему Хой заходил абсолютно всем? И русскому мужику, и банной бляди, и студенту мехмата, и бандиту в малиновом пиджаке. Даже гопникам не запахло было слушать «сектор газа», несмотря на панковский прикид, кожу, серьги, рваные джинсы. Возможно, дело в диком сочетании простоты, душевности и мифологичности текстов. Такое очень удобно слушать по пьяни. И матерные истории про вурдалаков хорошо заходят детям. А музыкальные вкусы у нас, как известно, формируются в основном в детстве, и в основном по пьяни.

Так, мы почти на месте. Забавно: тут есть полноценная стена Хоя. С кучей надписей, пометок о родных городах их авторов, с признаниями в вечной любви, цитатами из песен. Я бы хотел оставить свою, но под рукой нет ни маркера, ни ножа. А написал бы любимую цитату Хоя: «вся жизнь – сплошной стёб».

Андрюха шумно цыкнул и махнул головой в сторону моих ног. Я достал телефон из кармана и убавил громкость музыки. Ну да, зачем тревожить покойников. Громкость убавил, но выключать не стал – пусть фоном играет, Юре было бы приятно.

На могиле никого. Всё чисто, убрано, цветы лежат. Мы

перешагнули через невысокую ограду, встали у плиты – цела. На ней Юра в любимой позе – со скрещенными руками. И смотрит на нас так пронзительно, так живо. Будто заговорит сейчас. Или споет. Меня охватила дрожь, я вдруг понял, что закрыл один из главных детских гештальтов – попал на могилу к кумиру, ночью, да с его музыкой. Эх, какая была бы история, если полирнуть стопкой водки! Или хотя бы стаканом пива. Андрюха как будто прочел мои мысли и достал из кармана спортивной куртки мерзавчик коньяка. Достал и медленно открутил крышку. Так же медленно поднес маленький стеклянный пузырек к могильной плите, чокнулся со лбом Юры и сделал глоток.

– Мдэээх, – выдохнул он и глубоко вдохнул сырой кладбищенский воздух. В пузырьке осталось еще немного. Андрюха протянул остатки мне.

– Бля, мужик. Меня же духи убьют, – проямлил я и взял мерзавчик.

– А про дух Юры ты подумал? – улыбнулся Андрюха. – Он тут тухнет, раз в год приезжают обсосы, бухают, орут, хера лысого на него клали, по сути, просто тусуются. А тут пацаны, которые со школы...

Я выпил, не дослушав. Выдохнул. Господи, как это горько, и мерзко, и вкусно, и божественно, и божественно плохо. Я попросил Андрюху закурить рядом со мной, чтобы подышать еще и сладким табачным дымом. Осмотрелся, поднял глаза на небо. Чистое, звездное. Мне вспомнилось, как

в юности на даче с бутылкой водки, пачкой «союза», двумя деревенскими девчонками и гитарой лежал на пляже. Играл им «возле дома твоего», выл, кричал, нравился девкам, потом мы купались голыми, потом они оставили меня на пляже одного – пьяного и счастливого, без гитары, сигарет и денег; а я спал прямо в песке, и грудь моя вздымалась от прохладного речного ветра, смешанного с теплым дымом костра, и ноги подрагивали, зарываясь в песок, и улыбка не сходила с лица, пародируя июльский яркий полумесяц...

Я похлопал Юру по плечу, и мы пошли обратно к воротам. Надеюсь, духи простят мне детский гештальт. Должны. А иначе зачем вообще всё?

*

До Москвы около ста километров. В голове бетонная плита, ноги сводит, и мышцы затекли. Хочется в душ, зубы почистить и вырубиться. А проснувшись, вкусно поесть, в душ, и снова вырубиться. После Воронежа мы пару часов молчали, пялились на красивый рассвет, слушали музыку. Часа два назад поменялись – Андрюхе потребовалось немного поспать. Я чувствовал себя комфортно за рулем незнакомой машины, но пару камер точно собрал, отвлекаясь то на музыку, то на внутренний диалог. Перекину ему потом, вместе с оплатой проезда.

– Что там, сколько нам? – вяло спросил Андрюха, откры-

вая глаза.

– Час до мкада.

– Ну че ты, отсыпаться теперь все выходные? – Наверное, он заметил, что я немного залипаю.

– Вряд ли. Завтра надо в пригород.

– Шашлыки, отдыхать?

– Не. Там мужик один живет. Нужен мне по работе.

– И ты в воскресенье к нему потопаешь? Пропадет, что ли? – Андрюха закурил в окно, я немного подышал табачным дымом, помолчал.

– Да как сказать, – и правда, как быстро объяснить пацану в спортивной куртке, зачем мне сумасшедший нейрофизиолог, специализирующийся на сновидениях, галлюцинациях и измененных состояниях сознания? – Короче, он большой профессор-затворник, консультировал мою компанию, но недавно просто пропал на полпути. И вот его нашли в какой-то деревушке.

– В смысле – нашли?

– У него тачка необычная. Старая двадцать первая «волга» малинового цвета. Таких нету больше. И кто-то из соседей сфоткал, выложил в инсту, а наш безопасник нашел фото и пробил локацию.

– Бля, неплохо, – Андрюха одобрительно кивнул. – У моего деда такая была. Я даже застал немного. Только классическая бежевая. Думал, вырасту, движок поменяю, салон перетяну, акустику поставлю, буду притапливать по кайфу.

– Что сломалось?

– Да как сказать... – он снова закурил. – Я универ заканчивал, экономистом хотел в нормальную компанию, ну всё так по-советски, как родители учили. По плану. А от меня девчонка родила. Сразу, бля, двоих! И там уже не только бабки нужны, уже и двойная коляска, и всегда вчетвером с ними надо, и спишь хуево, и всё. Ну я универ бросил, на работу пошел – торговым представителем в табáчку. Катал на мопеде по ларькам и заказы на сигареты собирал. Короче, когда дед скончался, мы все евоное продали – квартиру, машину, – чтобы от армии отмазаться. Тачка на ходу была, как раритет забрали. Так вот и работаю в торговле. Уже чуть повыше, нормально получаю. Но без «волги», – Андрюха кисло улыбнулся.

Хм. Надо бы позвать Андрюху на бета-тестирование нашего продукта. Я не буду, пожалуй, ему рассказывать, что нам нужны именно такие люди – с незакрытыми гештальтами, с безответной любовью, конкретными и осязаемыми фантазиями о другой жизни. Просто позову его как-нибудь на выходные в наш тест-центр; он наденет на голову шлем виртуальной реальности и окажется за рулем двадцать первой «волги», при желании выберет цвет кузова и салона, настроит любимое радио – да хоть даже из той эпохи, хоть даже то, что слушал его дед, когда Андрюха ребенком зевал на заднем сиденье; заведет двигатель, послушает его сладкое урчание и втопит как следует по полупустым московским

проспектам, под самый красивый в жизни рассвет, не оглядываясь на камеры, пешеходов, бродячих собак и тупых велосипедистов. А если захочет, добавит в свой трип и пешеходов, и собак, и пьяных бродяг, и злых ментов, и зевак, которые будут пускать слюни на глянцевый кузов его стильной тачки. И мы снимем все данные его мозговой...

– Блять, руль держи! – зачем-то крикнул мне Андрюха.

– Ччаво? – я сильно зевнул, поворачиваясь к нему. И тут заметил мигалки и фуру, лежащую прямо поперек дороги, и дернул руль вправо, и дал по тормозам...

*

Мы сидели жопой на траве и курили. Андрюха сокрушался, что посадил за руль такого долбоеба. Я сетовал на злых духов, которые отомстили мне за невоздержанность. Суток не прошло – а я уже выпил! И ведь именно он впарил мне этот говеный коньяк! Хой, дух его... Ага, бля, конечно, духу не насрать на двух чудаков, которым вздумалось ностальгировать на могиле. Вот мудила. Да я бы в своем шлеме спокойно и выпил, и покурил, хоть на могиле Хоя, хоть Элвиса, хоть Будды, хоть с Буддой. Ну не сейчас, понятно. Ну через... ну скоро. Мы же скоро все добьем.

Из носа все еще капает кровь, правый глаз немного затек и жутко болит. Лицо Андрюхи покрыто красными разводами и пунцовыми пятнами. Ну хоть руки-ноги целы. Тачка ря-

дом, с разбитым носом и лопнувшим колесом. В целом жива, потому что тормозила в траву, пока мы бились головой о приборную панель. Эвакуатор будет минут через тридцать. А мое такси уже подъезжает. Надо забрать вещи из машины. И, может, еще одну сигарету у него стрельнуть. А может, не стоит. Духи какие-то злопамятные оказались.

– Ну, ты мне набери, скажи, что там по ремонту, – немного стыдливо сказал я, прощаясь.

– У меня каско, – отрезал он.

– Ну тогда, может, просто я что-то переведу, чтобы компенсировать...

– Ой, бля, пиздуй уже.

Я почувствовал себя архетипом героя из популярной в нашем офисе книги «не работайте с мудаками» и медленно пошел в сторону подъезжающей желтой машины. Сев на заднее сиденье, включил диктофон и наговорил пару мыслей о том, что можно продать в гибдд воспитательный тренажер для лишенных прав виновников аварий. Пусть много раз бьются головой о руль, вылетают из лобовых окон, выдирают из кожи куски стекла и считают разбросанные вокруг горы трупов (прикольная, кстати, геймификация).

Таксист внимательно посмотрел на меня. Я криво улыбнулся. Он протянул мне упаковку влажных салфеток, отвернулся, и мы поехали. На душе паршиво. Голова горит так, что хочется есть лед и засовывать его в уши. Дома буду ближе к девяти утра, а часа в два-три – не позже – нужно на

электричку и в пригород. Но это все так... Лирика.

Четвертая глава

Воскресный день Сергей всегда начинал дома с семьей. Комфортный завтрак с блинами и свежим хрустящим арбузом. Обязательная чашка кофе, сваренного в турке на вишневом или апельсиновом соке. Легкая болтовня про всем известные планы на день: Таня отвезет Никиту к своей матери и поедет с подругами на художественную выставку по мотивам нового русского этнического искусства; Никита с бабушкой пешком прогуляются до Сокольников, там будет сладкая вата, качели, и игровой клуб для дошкольников – с новыми китайскими симуляторами космических полетов и огромной поляной для игры в электролапту; Сергей поедет потеть в качалку. Или нет.

*

Офис психолога находился в уютном переулке недалеко от Новослободской, в здании бывшей советской булочной. Под психоделической вывеской «океан сансары» спрятан длинный коридор с небольшими приемными разных психологов, тантрологов, сексологов, тарологов и прочих исследователей человеческих пороков за пять и больше тысяч рублей в час. Сергей давно выбрал одного из них. По совету знакомого, конечно, – тот сломал руку, попал в государствен-

ную больницу, под анестезией подрался с санитаром, потом неделю получал чай с собачьей мочой. Полицию и адвокатов у нас не любят, пришлось лечить посттравматический синдром с психотерапевтом.

– Выхожу вчера из подъезда, – говорил Сергей, устроившись в глубоком кресле. – Сосед мимо пробегает. С коробкой инструментов, шлангом каким-то, в тапках. Ну и бросает так по ходу: «Че такой грустный?»

– Понимаю, так, – кивнул низкорослый седой мужчина с опрятной бородой и небольшими внимательными глазами.

– Я не сообразил сразу, что ответить. Тот подмигнул мне и в подъезд. И тут я понял, что на ум приходят только оправдания. Устал, заболел, жизнь складывается не так, как ожидалось. Я, знаете, даже испугался немного. Вдруг все окружающие меня – подчиненные, чиновники, клиенты, их жены гламурные – вообще все – даже... не знаю, мусора – все в моем взгляде видят что-то грустное? И, не дай бог, с жалостью смотрят.

Сергей потянулся за кофе, стоявшим на тумбе рядом с креслом, сделал глоток и опустил обратно. Потом еще раз потянулся и опустил обратно с чашкой кофе в руке.

– Итак, вы стесняетесь или, если точнее, не позволяете себе проявлять сдержанно-отрицательные эмоции? – спросил психолог.

– Сдержанно-отрицательные?

– Сдержанные в смысле интенсивности и отрицательные

по окрасу. Ну, например, восторг – это ярко-положительная эмоция. Ярко, потому что...

– Да я понял. Вы к тому, что, если мне грустно, – почему бы спокойно об этом не говорить? Да. Нет. Позволяю. Но только как бы сам по себе. Стоит кому-то спросить «эй, мужик, в чем дело?» – я тут же накаляюсь. Злюсь. Да пошел ты нахуй со своей заботой! Извиняйте...

– Ничего не имею против обценной лексики.

Сергею нравился этот тип. Спокойный, вдумчивый. В душу не лезет, личные вопросы задает аккуратно, но прямо, никогда не скрывает своих намерений или опасений. Такое сочетание ума, интеллигентности и твердости почти не встречается на равнинах матушки России. По прошлому опыту, почти все психологи или идиоты, или высокомерны, или слишком мягкие и пасуют перед капризами клиентов, боятся обидеть и потерять бабки.

– Что именно заставляет вас чувствовать себя неудобно, когда речь заходит о ваших эмоциях?

– Понятия не имею. Вы мне скажите.

– У меня много гипотез. Возможно, вы испытали сильный стресс в особенно чутком возрасте и, попросту говоря, спрятались, как моллюск в раковину. Возможно, отношения с кем-то из родителей способствовали эмоциональной скованности. Возможно, какой-то относительно недавний эпизод вашей жизни оставил такой серьезный отпечаток на матрице сознания... Ну, знаете, подобное бывает, например, с

пережившими военные действия.

– Я не знаю. У меня с детства так, – Сергей поставил пустую чашку на тумбу и скрестил руки на груди.

– Хорошо. Тогда со временем мы придем и к детским воспоминаниям, попробуем выделить из них самые важные – те, которые могли сильно повлиять на вашу открытость и самооощение.

Сергей кивнул. Они немного помолчали. Потом обсудили основные события недели, поговорили о работе, о российском футболе без еврокубков, о влиянии плохой погоды на домашних животных. Терапевт явно стремился снять возникшее напряжение и как бы откатить диалог назад, чтобы подойти к той же теме с другой стороны. Сергей явно стремился ему в этом помочь.

– Кирилл Аркадич, у меня вопрос возник. Ну так, чуть отвлечься. Бывает, что люди часто смакуют какие-то прошлые воспоминания. Истории детства пересказывают, одну и ту же любимую музыку на повторе слушают. С чем это связано?

– Вы говорите о тех, у кого трава была зеленее?

– Нет, я конкретно о тех, кто постоянно проваливается в прошлое. Ностальгирует, в общем. Много. Очень много.

– Я понял. Сергей, вы знаете, что означает слово «винтаж»?

– Так обычно называют какие-то старые вещи, – Сергей немного подумал, почесал бороду. – Платья, чемоданы. Поношенные, но еще приличные.

– Да, это одно из определений. Но есть и другое – узкое и не самое популярное. Винтажными называют сохранившиеся фотографии, сделанные при жизни фотографа. Возникает вопрос: будет ли считаться винтажной только фотография, отпечатанная сразу после получения негатива?

– А какие еще варианты?

– Например, иногда автор фотографии делает несколько разных отпечатков одного негатива – изменяя цвет, яркость. Переосмысляя первоначальный замысел. Это может все так же происходить при жизни автора, но сильно позже.

– Ну и?

– Человеческой памяти тоже свойственно переосмыслять события прошлого. Менять их окрас, тона, настроение. Память устроена по принципу темной комнаты для работы с негативами. А проявляет их наш фокус внимания. То есть наше сознание как бы каждый раз печатает кадр с конкретным воспоминанием заново, при обращении к рисунку...

– Давайте как-то проще.

– Проще говоря, наша память – не галерея, и воспоминания не хранятся там в каком-то единственном виде. Они изменяемы. В зависимости от текущей картины мира, настроения, произведенного внушения и даже силы воли. Как вы думаете, почему люди пересматривают старые фотографии?

– Потому что работать не хотят, – не задумываясь ответил Сергей.

– Пожалуй, не только поэтому, – усмехнулся терапевт. –

Люди хотят найти опору в одном из событий прошлого, когда они, например, повели себя определенным, по их мнению, правильным образом или получили какую-то заслуженную, на их взгляд, награду. Впечатление, подарок, подходящее окружение, внимание к себе, аплодисменты и так далее.

– Допустим.

– С воспоминаниями работает тот же механизм. Но, в отличие от фотографий, вы непосредственно влияете на снимки памяти. Например, вы неосознанно или намеренно хотите поднять себе настроение. Вы обращаетесь к каким-то приятным воспоминаниям, находите необходимое, вспоминаете соответствующие кадры, прокручиваете их в голове – все это занимает буквально пару секунд – и вот вы уже чувствуете себя лучше. Однако в реальности то событие, о котором вы только что думали, скорее всего не было даже наполовину таким впечатляющим и эмоциональным. Именно ваше намерение вспомнить что-то хорошее добавило этот прелестный окрас, то есть отпечатало негатив на хорошей бумаге, в яркой гамме, еще и подрисовав улыбки на лицах. Ну как...

– ...Да-да. Я тут сыну на днях рассказывал, что в его возрасте бегал к озеру на районе, купался ночью, голышом; и что сейчас себе такого не позволю – неудобно как-то, – а у него и не выйдет: речки той больше нету, – Сергей иронично скривился. – А потом подумал, что вообще-то это было обычно. Не то чтобы как-то особенно. Это было в порядке вещей. А иногда еще и холодно, и комары, и мать заругает...

А при первом воспоминании всегда кажется, что круто было...

– ...потому что ничего подобного давно с вами не происходит, так?

– Возможно.

– А спроси вас кто-нибудь тогда, станет ли это воспоминание для вашей жизни каким-то значительным, вы бы ответили...?

– Я бы сказал, что рассчитываю на что-нибудь покруче, – Сергей впервые за встречу искренне улыбнулся.

– И вполне возможно, что эти самые «покруче» с вами действительно происходят, просто вы не воспринимаете их именно как «покруче»?

– Возможно... А все-таки. Если подобное, ну, с чего мы начали – про чрезмерное обращение к прошлому, – происходит слишком часто. Что можно с этим сделать?

– Можно дать мой номер, – теперь искренне улыбнулся доктор.

– Понятно.

– Но я все-таки должен вас предупредить, Сергей. Я догадываюсь, что речь идет о каком-то важном для вас человеке, поэтому не сочтите мой следующий совет за грубость.

– Без проблем.

– Я думаю, что вам стоит быть сосредоточенным на собственном состоянии и работе с собственными запросами. Вы не юноша, Сергей, у вас есть жена и ребенок, планы, бизнес.

Вероятно, вы сможете быть продуктивнее и полезнее в том числе для близких людей, если сосредоточитесь на себе.

– Я говорю о человеке, с которым связан мой бизнес.

– Восемь – девятьсот сорок два...

Оба улыбнулись.

*

Домой не хотелось. Жена все еще с подругами, сынишка развлекается. Сергей поехал в офис. По дороге набрал Али, поговорили. Кажется, тот сильно увлечен предстоящей поездкой к их безумному консультанту. И сильно впечатлен поездкой к гадалке. И снова на каком-то надрыве, взволнован. Может, Али – его вымышленное альтер-эго? Один не пьет, не курит, женат, с ребенком, другой бухает, курит, одинок; один тревожен, второй умеет радоваться, взрываться, восторгаться, но по мнению первого делает это слишком часто, слишком восторженно и без оглядки на риски. Надо поискать «бойцовский клуб» в подвалах их лофта.

В офисе на удивлениелюдно. Правду говорят: найди хорошую команду, дай денег и полномочий, поставь цель – все заработает само собой. И помни о цели сам – ты не Савва Морозов. Будь строг, но справедлив, требователен, но внимателен, умей хвалить, но расставайся с теми, кто закончился, стух... Так, ладно, а че тут вообще сегодня происходит?

Сергей выхватил из круговорота тел Лизу и отвел в сто-

ронку. Лиза – молодой продакт, из тех увлеченных зумеров, которые плевать хотели на текущий статус, красивое рабочее место, атмосферу в команде и прочие типичные пункты из опросников об уровне удовлетворенности. Всё, что ее волнует, – чтобы интересно было и бабки вовремя капали.

– Слуш, Лиз, чего все суетятся?

– Дядь Сереж, – она, как и многие в офисе, обожала так называть своего шефа. – У нас тест-драйв новой активности, Али перед отъездом концепты нарисовал, а мы на кубах и готовых паттернах вот собрали.

– Где-то я это слышал... Что вышло?

– Полный разъеб!

– Так, ну тихо-тихо.

– Сорян, – покраснела синеволосяя Лиза. – Ну правда круто вышло. Пойдемте посмотреть? Это недолго. Демка. Минут на десять.

– Ну давай попробуем. Опять покрасилась?

– А чо. Могу и вам мастера подогнуть, – улыбнулась Лиза. Сергей убрал седеющую челку набок и пошел в просмотрную комнату.

На стульях четыре человека – все в шлемах. Еще трое стоят, смотрят на планшеты и одобрительно кивают. Ассистенты усадили Сергея на свободный пластиковый стул и подвинули тележку с оборудованием. Помогать ему было не нужно – прекрасно знал, что делать. Сначала закрепил пульсометр на груди, потом надел тактильные перчатки и шлем,

подтянул ремни, чтобы лучше зафиксировать его на голове. Закрепил на правом бедре небольшую металлическую пластинку с сенсорным экраном – ноу-хау их студии – для перемещений в виртуальном пространстве и работы с меню. Уточнил, как называется опыт, хмыкнул и запустил.

*

Вокруг темнота, даже чернота. Играет какая-то утробная наркоманская музыка без ритма и смысла. Из-под ног, прямо из черноты струится вверх поток красных крупных букв, полупрозрачных, немного светящихся. Из них складываются отдельные слова – больше похожие на абракадабру вроде «парафибия», «шиспатия», «мезома». Поток букв начинает редеть, отдельные буквы становятся крупнее, собираются в слово-заставку, слово-название этого опыта – «метаморфоз». Через пару секунд буквы начинают тускнеть, крупнеть и сливаться, стягиваться в единое полотно, менять цвет с красного на рыжий, потом белый, потом серый. Пропадают последние прорехи в полотне, оно начинает мерцать, приобретая то золотистые, то серебряные оттенки, пока наконец не превращается в подобие кривого зеркала, висящего прямо напротив наблюдателя.

Сергей подлетает к нему, коротко проведя пальцем по управляющей пластинке. Вместо отражения в нем живой вулкан густой черной пены, пена течет, пузырится, булька-

ет. Сергей сдвигается вправо – черная каша, помедлив, плывет за ним. Сергей раздумывает немного и касается зеркала пальцем, давит, убирает палец. На поверхности остается неподвижный темно-серый отпечаток. Он касается зеркала в другом месте, и еще раз, еще, оставляя отпечатки разных оттенков серого, разной формы и размера. Соединяет образовавшиеся кружки, проводя пальцем между ними, – так возникают изогнутые линии, неровные и несимметричные, лишённые объема, словно расплющенные черви.

Бам! Резкий хлопок в ладоши – сверху и сзади, будто сторонний наблюдатель огромного роста решил перейти к следующему акту. Зеркало слегка трясется, вибрирует, и черви оживают, и начинают ползать по поверхности зеркала. Но остаются плоскими, двухмерными, похожими на оживших змеек из десктоп-игр восьмидесятых, но прокачавших гибкость до максимума. Вулкан из пены остается где-то сзади, на фоне, медленно протекает и исчезает вовсе.

«Двухмерное пространство кажется неполноценным наблюдателю из трехмерного мира, – черт, тут еще и закадровый голос. – Но означает ли это, что в нем невозможна настоящая жизнь? Попробуйте представить себя одним из обитателей такого мира, попробуйте стать частью этого мира», – голос раскатист, и звучит все оттуда же – сзади и сверху. Так. Что он имеет в виду под «попробуйте»? Сергей оглядывается, приближается к зеркалу, пытается коснуться червей, пытается поймать их – ничего не выходит – ловкие твари с

нечеловеческой скоростью ускользают. Проводит по зеркалу полной ладонью – ничего. Ощупывает себя – ничего. Замечает, что больше не видит собственных рук. Активнее машет ими в темноте – всё, виртуальные руки пропали. Опускает взгляд и видит только плоскую прямую линию. Это его собственное виртуальное тело. Плоское и прямое. И немного неровное, несимметричное. Он пробует податься назад – ничего не выходит. Пытается нащупать контроллер на коленке – ничего. Тело словно обрезали. Ему становится жутко. Жутко. Он больше не видит собственного тела, он может смотреть только перед собой. Он чувствует, как учащается пульс. Он знает, что это всего лишь виртуальный опыт, что есть какой-то следующий шаг, который активирует развитие сюжета, но эта физическая беспомощность, эта потеря контроля над телом, его уплощение, отсутствие таких привычных категорий, как «вперед-назад», – все это так же неприятно, как падать во сне.

«Каков этот мир? Может, он обладает особыми характеристиками и открывает уникальные возможности для новой жизни, незнакомые и непонятные нам – носителям массы и марионеткам гравитации. Почувствуйте их!» Понятно. Надо попробовать оттолкнуться. Ага, так... Присесть не получается. Значит, надо просто проявить какое-то намерение или усилие для того, чтобы податься вверх. Возможно, шлем отреагирует на поднятие головы. Бля, выходит! Выходит.

Сергей взмыл вверх, находясь в той же плоскости. Его

прямое тело не изменило формы, он по-прежнему не чувствует своих рук и пространства вокруг, но меняет положение тела в своей бесконечной мерности, не ограниченной привычными физическими законами. Попробовал опуститься – и тут же вернулся в исходную точку. Перед ним снова зеркало и те же плоские черви. Всё ползает, суки. Больше ничего не происходит. «Может, и у меня получится?» – подумал он. Попробовал посмотреть вправо, попробовал влево, направление взгляда не меняется, перед ним все то же зеркало, под тем же углом. Так. Он попробовал наклонить голову, затем уйти верхней частью своего тела вбок. Ага, зеркало уплывает, значит, он изгибается и движется. И изгибается дальше, ловит своего рода волну, двигаясь короткими толчками по бесконечной плоскости. Какое блятское и ущербное состояние. Конченное. И конечное. Он возвращается, замирает напротив зеркала. Черви в отражении успокаиваются и прекращают копошиться.

«Плоский мир не знает лица и затылка, в плоском мире никто никого не может ударить в спину, ударить в лицо – никуда. Это мир спокойного доживания, это мир до начала самого мира». Зеркало снова завибрировало, но уже немного иначе. Объемно. Концы его будто потянулись друг к другу. Вся шелуха, все червивые отпечатки мгновенно высохли и осыпались. «Но мир после мира – это мир гиперобъема, гиперпространства и абсолютной вечности. Это мир без времени. Потому что время – только иллюзия бытийности, вре-

мя ограничивает нас, как масса, кожа, легкие или ум. Время – это кровь уставшей Вселенной, которой суждено вытечь без остатка...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.